МАРКО
МАЛЬВАЛЬДИ



Мера всех вещей

УБИЙСТВО В ЗАМКЕ СФОРЦА

Марко Мальвальди

Мера всех вещей. Убийство в замке Сфорца

Серия «Документальный fiction»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74713271
Мера всех вещей. Убийство в замке Сфорца: КоЛибри, Издательство АЗБУКА; М.; 2026
ISBN 978-5-389-35082-3

Аннотация

Леонардо да Винчи при дворе Лодовико Моро в Милане много лет пытался создать бронзовую статую. Это очень интересовало подданных короля Франции, а также посла Феррары. И вот, несколько человек начинают охоту за блокнотом да Винчи. Что хотели они найти? Как оказался связан с ним несчастный подмастерье, погибший от неизвестной болезни? И почему появился поддельный вексель? Этот запутанный детектив разворачивается на фоне истории взаимоотношений Лодовико Моро, Леонардо да Винчи, Чечилии Галлерани и Беатриче д'Эсте.

Содержание

Действующие лица 5
Пролог 14
Начало 16
Два 35
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Марко Мальвальди
Мера всех вещей.
Убийство в замке Сфорца

Marco Malvaldi
LA MISURA DELL'UOMO

© 2018 by Giunti Editore S.p.A., Firenze-Milano
© Мальвальди М., 2018
© Колесова Н. В., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

* * *

Джованне Балдини, Луизе Сачердоте, Марчелле Бинки, Лие Марианелли

Всем учителям общеобразовательных школ

Действующие лица

МАСТЕРСКАЯ ЛЕОНАРДО

Леонардо ди сер Пьеро да Винчи – живописец, скульптор, архитектор, придворный инженер, весьма склонный к фантазиям. Словом, человек гениальный.

Джан Джакомо Капротти, по прозвищу **Салаи**, – подмастерье в мастерской Леонардо, его любимый ученик: вор, лжец, упрямец, обжора. Впрочем, у него есть и недостатки.

Марко д'Оджоно, Занино из Феррары, Джулио Тедеско – другие ученики гениального Леонардо.

Рамбальдо Кити – бывший ученик Леонардо. К несчастью для него – бывший и во многом другом.

Катерина – мать Леонардо, зачавшая его, когда она и нотариус Пьеро да Винчи были еще молоды и неопытны. Женщина, чрезмерно заботливая по отношению к нашему герою и столь же чрезмерно откровенная.

ДВОР

Лодовико Моро – герцог и правитель Милана, мужчина внушительного роста – 1 м 90 см, воплощение макиа-

веллиевской мудрости; незаконнорожденный сын Франческо Сфорца. Не вполне уверен, что ему больше нравится – властвовать или предаваться плотским утехам. Но и то и другое ему по вкусу.

Франческо Сфорца – умер от физического истощения более 27 лет назад, но он по-прежнему все еще вездесущий отец Лодовико Моро. В его честь предстоит создать исполинского бронзового коня.

Джакомо Тротти – посол, глаза и уши герцога Феррары Эрколе I д'Эсте. Он уже немолод, искусный знаток придворной жизни. Возможно, немного шпион – но за это ему и платят.

Беатриче д'Эсте – дочь герцога Феррары и жена Лодовико Моро. Крупная как телом, так и размером приданого. Простодушна, но не настолько, чтобы не замечать шуршания юбок в коридорах замка.

Эрколе Массимилиано – отпрыск Моро и Беатриче. Ему два года, но он уже аристократ.

Теодора – кормилица маленького Эрколе Массимилиано.

Максимилиан Габсбургский – венский государь, император Священной Римской империи. Его нет во дворце, но его влияние ощущается, как будто он есть.

Бьянка Мария Сфорца – племянница Лодовико Моро, обещанная в жены Максимилиану к предстоящему Рождеству.

Лукреция Кривелли – официальная любовница Лодовико Моро. Леонардо напишет ее портрет, известный как «Прекрасная Ферроньера». Но не следует об этом распространяться.

Галеаццо Сансеверино – граф Каяцо и Вогеры, доверенное лицо, зять Лодовико Моро, человек действия и железной хватки. Из трех Галеаццо в романе – самый значительный.

Бьянка Джованна Сфорца – его жена, внебрачная дочь Лодовико Моро.

Амброджо Варезе да Розате – придворный астролог, облаченный в пурпурные одеяния. Знаток движения звезд, усердный составитель гороскопов. «Главное в предсказаниях, – любит повторять он, – предсказать либо событие, либо дату. Но никогда не предсказывать и то и другое вместе».

Пьетробоно да Феррара – прямой соперник Варезе да Розате.

Бергонцио Ботта – сборщик податей миланского герцога.

Маркезино Штанга – управляющий казной двора, официальный казначей и неофициальный мастер по выбиванию долгов.

Бернардино да Корте – кастелян.

Ремиджо Треванотти – слуга.

Асканио Мария Сфорца Висконти – кардинал, брат Лодовико Моро. В те времена еще не существовало закона

о конфликте интересов.

Джан Галеаццо Мария Сфорца – законный герцог Милана, поскольку он сын Галеаццо Марии, старшего брата Лодовико. Галеаццо Мария был убит несколькими годами ранее. Когда-то пытался мирно править вместо дяди и даже организовал для своей свадьбы Райский праздник, доверив Леонардо создание эффектных декораций. Однако Лодовико оказал ему любезность, поместив под стражу в замке Виджевано.

Изабелла Арагонская – его супруга. Ее почти никогда не видно – и тем лучше.

Бона Савойская – жена Галеаццо Марии и мать Джана Галеаццо Марии Сфорцы. Регентша Миланского герцогства, пока Лодовико не заточил ее в башню замка, которая впоследствии получила ее имя.

Чикко Симонетта – ее самый доверенный советник и искусный государственный муж. За верность Боне заплатит головой (в буквальном смысле).

Катроццо – придворный карлик определенного статуса, полиглот. Грубоватый шутник, как и подобает настоящему мастеру острот и проказ.

ДВОРЕЦ КАРМАНЬОЛА

Чечилия Галлерани – утонченная женщина высокой культуры. Лодовико спас ее от монашеской участи и сделал

своей юной фавориткой. Позже, узнав, что она беременна от него, Моро сам устроил ее брак с графом Карминати де Брамбилла, по прозвищу Бергамини. Именно она изображена на картине «Дама с горностаем», которую сегодня можно увидеть в Кракове.

Чезаре Сфорца Висконти – внебрачный сын Лодовико Моро и Чечилии. Ему всего два года, но он уже обладает немалым состоянием: при рождении отец пожаловал ему дворец Карманьола, тот самый, где сейчас находится «Пикколо театро ди Милано».

Тереза – веселая и болтливая компаньонка Чечилии Галлерани.

Корсо – камердинер Чечилии Галлерани.

ФРАНЦУЗЫ

Его христианнейшее величество Карл VIII – король Франции. Слаб телом и умом; никогда не участвовал в битвах, но много рассуждает о войне, о завоевании Италии и взятии Неаполя. Как говорится, вооружаемся и выступаем.

Луи де Валуа – герцог Орлеанский, двоюродный брат короля, будущий военачальник в завоевании Неаполитанского королевства. В глубине души надеется стать герцогом Миланским (как наследник Валентины Висконти, своей бабушки).

Филипп, герцог де Коммин, – французский посланник

в итальянских землях, находится в сговоре с герцогом Орлеанским.

Робино и Маттене – «урод и красавчик» – злобные подручные герцога де Коммина. Им поручено одно тайное дело в Милане.

Перрон де Баш – уроженец Орвието, а теперь – посол его христианнейшего величества Карла VIII и герцога Орлеанского.

Карло Барбиано ди Бельджойозо – посол Лодовико Моро при французском дворе.

Жоскен Депре – придворный певец Моро, гений музыки, мастер контрапункта.

КУПЦЫ

Аччеррито Портинари – тучный представитель Банка Медичи, жадный до бифштексов и вафель.

Бенчо Серристори – компаньон мессера Аччеррито, неутомимый труженик, но только не в праздничные дни.

Антонио Миссалья – успешный оружейник, мастер железных дел и друг Леонардо.

Джованни Барраччо – торговец шерстью.

Клементе Вульцио, Кандидо Бертоне, Риччетто Наннипьери и Адемаро Костанте – торговцы шерстью, шелком, иглами и квасцами, имеющие кредиты в Банке Медичи.

ДУХОВЕНСТВО

Франческо Сансон из Брешии – генерал ордена францисканцев.

Джулиано из Муджи – францисканский проповедник.

Диодат из Сиены – приор иезуатов (то есть ныне исчезнувшей Конгрегации Бедняков Иисуса в Сан-Джироламо), стойкий пастырь своего стада.

Джоаккино из Бренно — монах-иезуат и непримиримый проповедник, зачинщик толп и возмутитель спокойствия.

Элиджио из Варрамисты – иезуат и эксперт-графолог, поскольку сведущ в векселях и аккредитивах; бывший банкир, обращенный в веру на дороге, ведущей в Милан.

Джулиано делла Ровере – кардинал, который все еще не переварил избрание папой своего соперника Александра VI Борджиа.

Генеалогическое древо Сфорца

Франциск I (1401–1466)
IV герцог Милана
1450–1466

♥

Бьянка Мария Висконти
(1425–1468)

Лодовико Мария, по прозвищу Моро
(1452–1508)
VII герцог Милана
1494–1499

♥

Беатриче д'Эсте
(дочь Эрколе I и Элеоноры Арагонской)
(1475–1497)
Брак в 1491 году

Галеаццо Мария
(1444–1476)
V герцог Милана
1466–1476

♥

Бона Савойская
(1449–1503)

Джан Галеаццо Мария
(1469–1494)
VI герцог Милана
1476–1494

♥

Изабелла Арагонская
(1470–1524)
Брак в 1489 году

Эрколе Массимилиано
(1493–1515)
IX герцог Милана
1512–1515

Франциск II
(1495–1535)
XI герцог Милана
1521–1525
(1529–1535)

Шесть следующих детей, среди которых
Асканио Мария
(1455–1505)
Падуанский, кремонский, новаррский и пезарский епископ и кардинал

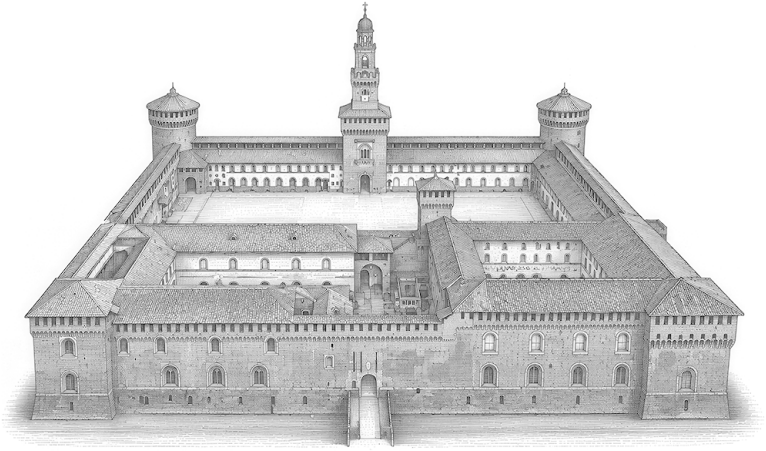
Эрмес
(1470–1503)

Бьянка Мария
(1472–1510)

♥

Максимилиан I Габсбургский
(1459–1519)
Брак в 1494 году

Анна Мария
(1473–1497)



Замок Сфорца во времена Леонардо

Талант попадает в цель, в которую никто другой не может попасть.

Гений попадает в цель, которую никто другой не может увидеть.

Артур Шопенгауэр

Пролог

Прежде чем войти, человек на минуту остановился.

Не нужно было оглядываться по сторонам, чтобы убедиться, что за ним никто не идет. Вход в замок находился в одном из старых районов Милана, на сырой и темной улице, до которой можно было добраться только по другим таким же сырым и темным улицам. Даже если бы кто-то решился его преследовать, он давно потерял бы его из виду, несмотря на броский розовый цвет его одежды.

По правде говоря, он и сам иногда боялся заблудиться. Уже однажды ему случилось потеряться в запутанных переулках вокруг замка. Отчасти, конечно, по своей вине: у него напрочь отсутствовало чувство ориентации. Отчасти же по вине этого города, так плохо продуманного, построенного без плана, не имевшего никакой формы, с плохим просмотром. Этот город следовало бы переосмыслить сверху донизу. Построить иначе. Совершенно иначе. Так, как никто еще не видывал. Например, этот город можно было бы построить на нескольких уровнях. Тогда он поднимался бы снизу вверх, от воды до неба. Этот город был бы полной противоположностью дому: бедные жили бы наверху, а господа – на земле, как в римских инсулах, описанных в книге Витрувия. Правильно сделал Франческо ди Джорджо, что перевел ее с латыни, – это действительно стоило того. Отличная покупка,

эта книга. Она обошлась ему в целое состояние, но навела на столько мыслей…

Мужчина в розовом опомнился, поняв, что заплутал – но лишь в собственных мыслях, что случалось с ним часто и было, безусловно, лучшей частью его жизни. Однако сейчас не время предаваться мечтаниям. Сейчас нужно действовать.

Спокойно, но не беззаботно, мужчина постучал в ворота. Почти сразу послышался скрип, что указывало на то, что их открывают, и после уличной темноты крохотный вестибюль оказался слишком ярко освещенным.

Послышалось всего одно слово:

– Входите.

И мужчина вошел, а позади него осталась кромешная тьма.

Начало

Первое, что бросалось в глаза при входе в зал Совета, – это скудный свет.

Несмотря на то, что была лишь середина октября, в Милане уже стало холодно, и еще до того, как замок заполнился вернувшимися из Виджевано господами, слуги успели закрыть окна ставнями: белыми полотнами, пропитанными скипидаром, чтобы они получились как можно более прозрачными. Ставни пропускали мало света, зато скрывали от посторонних глаз все, что происходило внутри зала. Для тех, кто жил в замке, это был зал Скарльони – его так называли из-за красно-белого орнамента[1]. Но для всех остальных, то есть для большинства жителей Милана, это был зал Совета: зал, где обычно собирался Тайный совет. Шесть человек – шесть самых могущественных людей Милана – и их господин, самый могущественный из всех.

– Впустите следующего, кастелян[2].

Бернардино из Корте, кастелян Порта Джовия[3], кивнул и

---

[1] Sala degli Scarlioni (*um.*) в замке Сфорца назван так по рисункам на стене в виде красно-белых зигзагов. Зал известен тем, что в нем с 1956 по 2015 год выставлялась последняя (незаконченная) работа Микеланджело «Пьета».

[2] Кастелян (от *лат.* castellum – замок) – средневековая должность смотрителя, управляющего замком.

[3] Замок Порта Джовия – первоначальная средневековая крепость XIV века, которая стала основой для замка Сфорца.

потянул на себя тяжелую деревянную дверь, объявляя:

– Его превосходительство генерал ордена францисканцев, Франческо Сансон из Брешии.

Вторник и пятница были отведены для аудиенций. Это были дни, когда Лодовико Моро, герцог Бари, но в то же время и правитель Милана, уделял внимание каждому, кто просил аудиенции, чтобы разрешить свою проблему. Любую проблему, и любой гражданин Милана – то есть любой, кто платил налоги, установленные Моро, за исключением тех, кто был освобожден от них по милости того же Моро. И миланец, платящий налоги, имел полное право быть выслушанным, тем более что налогов он платил немало.

Глава ордена францисканцев не был гражданином Милана и уж тем более не был обычным гражданином. Строго говоря, он не имел права отнимать ни минуты драгоценного времени, которое Моро уделял своим подданным, выслушивая просьбы бедняков вместо того, чтобы навязывать свою волю строптивым послам, горячим боевым скакунам или услужливым служанкам. Однако, по здравому смыслу, отказать в аудиенции генералу ордена, явившемуся как простой гражданин, было бы глупо. А Лодовико Моро, герцог Бари и правитель Милана, вовсе не был глуп.

– Какая честь, – сказал Моро, сидя на своей скамье. – Генерал ордена францисканцев, просящий аудиенции как простой гражданин. Чему мы обязаны столь скромным визитом?

– Я всего лишь смиренный францисканец, ваша свет-

лость, – ответил Франческо Сансон, – и не привык к почестям и приукрашиваниям. Впрочем, вопрос, который я намерен представить на рассмотрение вашей светлости, требует так мало времени, что было бы самонадеянно просить частной аудиенции.

Добро пожаловать в эпоху Возрождения, где каждая фраза выверена и изготовлена как драгоценность, когда взвешивают на весах каждое отдельное слово, а потом демонстрируют его как украшение не для того, чтобы показать, насколько оно красиво, а чтобы продемонстрировать, насколько могуществен тот, кто его носит. И когда смысл любого высказывания должен интерпретироваться исходя из того, кто его говорит, кто его слушает, кто находится в комнате и кого в ней нет, какие имена произносятся и, прежде всего, какие имена не произносятся.

В общем, когда Лодовико Моро принял монаха, назвав его не по имени, а лишь по титулу, и выразил удовлетворение, что тот явился к нему как скромный горожанин, этим он ясно давал понять: для него и для всего Совета глава францисканцев не имеет никакого веса. В ответ монах намекнул, что у него есть иные, куда более официальные, торжественные и неотвратимые способы привлечь внимание Моро. Он обратился к нему не как к герцогу, а как к его светлости, тем самым напоминая, что для большей части Италии Лодовико – всего лишь узурпатор.

– Я рад это слышать, отец, – ответил Моро. – Говорите же,

Совет и я готовы вас выслушать.

– Ваша светлость… простите, я не вижу его преосвященства епископа Комо. Надеюсь, он не заболел?

– Ни в коем случае, отец. Мы недавно сократили число советников: сорок два человека – явный избыток для исполнения этих обязанностей. Тем более что за последний год количество поводов для заседаний значительно уменьшилось.

Конечно, в ответ монах мог бы заметить: если сорок два человека казались избытком, то не исключено, что шестеро – маловато. Тем более, что среди этих шестерых не было ни одного духовного лица, и едва ли это случайность. Но отец Сансон лишь откашлялся.

– Ваша светлость, я здесь по поручению моего ордена, дабы вы пересмотрели дело Джулиано из Муджи, который продолжает проповедовать вопреки уставам ордена и содержанию Священного Писания.

– Едва ли это возможно, отец, – ответил Моро, посмотрев по очереди на каждого из членов Совета.

– Неужели правитель Милана не сумел бы заставить замолчать какого-то бедного францисканца?

Не нужно быть тонким толкователем, чтобы понять особый многозначительный подтекст вопроса монаха, тем более с употреблением условного наклонения. И если это уловил читатель, то это тем более не могло ускользнуть от внимания ни одного из членов Совета. И уж точно не от Лодовико Моро.

– Брата Джулиано арестовали и судили шестнадцать месяцев назад – по вашей же инициативе. Поскольку я не являюсь приором религиозного ордена, я распорядился пересмотреть процесс, поручив председательство его высокопреосвященству архиепископу Арчимбольди. Вам прекрасно известно, каков был приговор суда.

Отец Сансон глубоко вздохнул.

Судебный фарс над Джулиано из Муджи стал подлинным шедевром Моро.

Все свидетели – по странному совпадению миряне и по столь же странному совпадению приближенные Лодовико – с энтузиазмом хвалили проповеди брата и либо преуменьшали его выпады против Римской церкви, либо делали вид, что не помнят их. Впрочем, это было бы еще полбеды.

Брат Джулиано не ограничивался утверждениями о том, что Римская курия развращена, упадочна и отвратительна; это твердили многие, в том числе тот доминиканец с назойливым голосом – Джироламо Савонарола, который прославился как пророк, предсказав смерть Лоренцо де Медичи и другие бедствия, что впоследствии действительно случились.

Нет, брат Джулиано утверждал, что церковь столицы Ломбардии может быть независима от Римской. Как и Савонарола, Джулиано добивался автономии монастырей, он стремился убедить Милан отделиться от Рима. Милан явно становился самой богатой провинцией Апеннинского полуост-

рова, местом, куда стекались величайшие мастера искусства, куда направлялись лучшие врачи и выдающиеся математики для преподавания в близлежащем университете Павии, и все они получали щедрую награду.

По мнению отца Сансона и его влиятельного коллеги, восседавшего на римском престоле, этого было быть не должно. Потому они и пытались урезонить брата Джулиано. Некоторые вещи лучше не произносить вслух, и, мягко говоря, нежелательно иметь под носом францисканца, громогласно призывающего к отделению амброзианской церкви от Римской всеми возможными способами (разве что рупор тогда еще не изобрели).

И все же Лодовико Моро виртуозно, в истинно ренессансном духе, свел на нет процесс, инициированный Сансоном. Придворные поэты сочинили стихи, их декламировали по всему городу. На улицах вблизи Бролетто и вдоль Навильи – везде звучал сонет Беллинчони «О, благочестивый Милан» и секстина некоего Джакомо Альфьери, в те времена знаменитого, но ныне справедливо забытого. В них прославлялись небеса за то, что они послали в Милан брата Джулиано. И сонет, и секстина были бездарны, но роль свою сыграли. Моро сумел расположить к себе горожан еще до того, как завоевал расположение двора, зажав курию в тиски между своей осознанной волей и безвольной покорностью народа.

– Я прекрасно знаю, что брат Джулиано был по-христиански оправдан, – снова вздохнул отец Сансон. – Брат Джули-

ано – человек достойный и проповедует с великим рвением. С великим рвением и с великой любовью к своей пастве. Он умеет говорить с народом, потому что говорит то, что люди хотят услышать.

Этой сентенцией священнослужитель косвенно напомнил Лодовико, что благосклонность народа переменчива. И в данный момент уже нельзя сказать, что народ целиком и полностью на стороне Моро.

Налог на соль и иные недавние подати пришлись горожанам не по вкусу, и популярность Лодовико начала падать. Если бы в ту пору существовали опросы общественного мнения, каждый вторник утренние заседания Совета, вероятно, начинались бы с летучки, на которой анализировался бы уровень поддержки и правильно выстраивались бы обращения Моро. Но в то время статистики не существовало, понятие среднестатистического жителя еще не придумали, а народ мог выражать свою волю лишь восторженными возгласами или мятежом.

– Брата Джулиано, человека острого ума, – продолжал отец Сансон, – вряд ли можно заставить замолчать. Когда он проповедует в Сан-Франческо-Гранде, церковь заполняется до отказа. Люди издалека приходят послушать его и уходят воодушевленными. Возможно, было бы разумно…

Однако что именно было бы разумно, отец Сансон сказать не успел, ибо в этот момент Лодовико поднялся со своего кресла.

Если бы мы находились где-нибудь в Лоди, рост Лодовико Моро составил бы примерно четыре строительных локтя и одну ладонь; если же измерять по городскому обычаю, то вышло бы чуть меньше трех миланских локтей ткани. В терминах десятичной метрической системы правитель Милана имел высоту в один метр девяносто сантиметров, и когда он вставал, то вкупе с ледяным взглядом и длинной строгой накидкой из черного бархата он внушал настоящий страх.

Медленно поднявшись, Лодовико подошел к францисканцу и мягко взял его под локоть.

– Пойдемте, досточтимый отец, – произнес он ласковым, но властным голосом, ясно дающим понять, кто здесь держит в руках бразды правления, – я хочу показать вам одну вещь.

И, все время придерживая за локоть, он провел сурового, но весьма напуганного священнослужителя через весь зал, к великолепной фреске на стене, изображающей план города.

– Вот видите, досточтимый отец, Милан – это колесо. – Рука Моро очертила широкий круг, указывая на крепостные стены, окружавшие город, а затем палец ткнул в центр карты, туда, где находился кафедральный собор. – Милан – это колесо, и его собор – ступица этого колеса. Но знаете, что случится, если эта церковь вдруг станет неподвижной?

Палец Моро стал описывать круги, которые становились все уже, пока не сжались вокруг собора и там не превратились в точку.

– Колесо может крутиться, крутиться и крутиться, но тот, кто там живет… – Моро развел руками, – никуда не сможет выбраться. – И правая рука Моро легла на плечо францисканца: дружелюбно, но в то же время жестко. – Вы меня понимаете, досточтимый отец?

– Понимаю, понимаю, ваше превосходительство. Умоляю вас, об этом не беспокойтесь. Мы видели кое-что и похуже, уверяю вас.

– Мне остается лишь извиниться за жалкое состояние, в котором я предстаю, но…

Джакомо Тротти, посол Эрколе I д'Эсте, герцога Феррарского, при дворе Сфорца, был в общем-то одним из самых представительных и степенных людей во всем Милане. Но степенность и представительность часто зависят от соответствующей внешности, а когда на тебя выливают ночной горшок, эти качества оказываются сильно скомпрометированы. К несчастью, направляясь во дворец Карманьола на музыкальный вечер в салоне Чечилии Галлерани, проходивший каждый вторник, пожилой посол стал мишенью для одного невежливого человека, который опорожнил горшок из окна без лишних церемоний и без привычного предупреждения «береги-и-и-ись!», которое даже менее воспитанные выкрикивали в сторону улицы, дабы избежать непреднамеренных «подарков».

– Полно, полно, ваше превосходительство, не смущайтесь. – Чечилия Галлерани подала знак, и одна из служанок,

ожидавших в конце зала, приблизилась, держась с напускной грацией. – Проводите господина посла в западную комнату и окажите ему помощь. Мы не начнем без вас, ваше превосходительство.

– Не знаю, как благодарить вас, графиня…

– Поторопитесь переодеться и присоединиться к нам, чтобы мы могли насладиться вашим обществом, – ответила Галлерани с улыбкой. – Тереза, прошу вас.

И, все так же улыбаясь, она исчезла за дверью, дабы распорядиться, чтобы музыканты подождали еще немного. Джакомо Тротти, посол Феррары, еще мгновение смотрел на дверь, за которой скрылась Чечилия Галлерани. Как всегда, он невольно сравнил ее с той, что была, по сути, его подопечной и соотечественницей. Сравнение, как ни печально, было далеко не в пользу последней.

С одной стороны – утонченная и воздушная Чечилия Галлерани, все еще красивая, как на портрете, написанном несколько лет назад мессером Леонардо, безмятежная и в то же время величавая, повернувшаяся в три четверти, словно заметила приближавшегося возлюбленного – того самого Лодовико Моро, о котором только что шла речь, – и гладящая горностая, сидящего у нее на коленях[4]. С другой стороны – пухленькая надоедливая девица, которую, увы, звали Беатриче д'Эсте, обожаемая младшая дочь его сиятельства Эрколе. Девица в самом деле, возможно, нежная в обраще-

[4] Речь идет о картине Леонардо да Винчи «Дама с горностаем».

нии, но, несомненно, черствая сердцем. Та, которую в своих безмолвных монологах посол прозвал Беатручей[5] – прозвище, которое он едва осмеливался произнести мысленно, не говоря уж о том, чтобы произнести его вслух. Все же остальные ее обожали: и отец, и сестра, и мать, и многие другие, в число которых отнюдь не входил посол Джакомо Тротти.

– Идемте, ваше превосходительство, – сказала ему молоденькая Тереза, указывая дорогу жестом, но благоразумно держась на почтительном расстоянии. – Мы обязательно найдем вам одежду по вашему размеру, не сомневайтесь.

Беатриче обожали многие, и еще так недавно – сам Моро, павший жертвой искренней и страстной любви: она опутала его одним из самых надежных и проверенных методов, который женщины всех наций и сословий использовали тысячелетиями, – она не отдавалась ему, хотя они уже несколько месяцев как были женаты.

– Ну вот, – сказала девушка, входя в комнату и уверенно направляясь к сундуку, сбоку которого торчал странный деревянный предмет, похожий на руль. – Здесь хранится одежда синьора графа. Муж мадонны Чечилии ниже вас ростом, но я думаю, мы легко найдем то, что нам нужно.

И все же Моро находил способ утолять свои желания. Тротти заметил, что нередко во время торжественных обедов – то есть почти каждый день – Моро исчезал с пирше-

---

[5] Суффикс – uccio/-uccia (-учо/-уча) – (*зд.*) уменьшительно-пренебрежительный.

ства и возвращался спустя час с довольной улыбкой. Потребовалось всего несколько дней, чтобы выяснить, что, как ни странно, за несколько минут до того, как Лодовико вставал из-за стола, Галлерани приходила к башне Роккетты[6]. Всегда в одно и то же время. И вот, пока его строптивая супруга наслаждалась жареным мясом, он удовлетворял жажду свежей плоти.

– Возьмите вот это, – сказала молодая служанка, доставая из сундука парчовое платье, которое было бы слишком узким мужчине вдвое тоньше Тротти, впрочем не бывшего великаном. – Думаю, оно вам прекрасно подойдет.

Потом Галлерани забеременела. И Лодовико, который как-то сказал Тротти, что «беременные женщины вызывают у него отвращение», внезапно перестал с ней встречаться. Тогда он стал чаще наведываться в покои к молодой жене, ночью, спускаясь по крутой лестнице, разделявшей два этажа, одетый лишь в легкую шелковую рубашку, которую, впрочем, почти сразу снимал. И эти подробности Тротти тоже узнал от самого Моро, очень детально описывавшего свои любовные утехи.

Пусть вас не удивляет недостаток стыдливости в таких деликатных вопросах: в эпоху Возрождения интимная жизнь супругов отнюдь не была их личным делом, если один из них оказывался правителем или наследником престола. Если

---

[6] Двор Роккетта – замок внутри замка Сфорца, где был вынужден жить Лодовико Моро.

бы вы могли спросить об этом Тротти, он рассказал бы вам о том, как Альфонсо д'Эсте провел свою первую брачную ночь с Анной Сфорца в Ферраре – в присутствии Франческо Гонзага, арагонского посла Симонотто да Бельпьетро и четырех-пяти придворных. Эти люди сначала раздели Альфонсо, а затем уложили его в постель рядом с юной супругой. Однако Альфонсо совсем не стремился исполнить супружеский долг и многожды вставал с постели. Возможно, он был смущен обилием людей в спальне, а может, будучи неопытным в житейских делах, всерьез полагал, что киска его супруги кусается. Тогда Гонзага взял ситуацию в свои руки: буквально под угрозой побоев он заставил юного аристократа остаться под покрывалами и предупредил, что не даст ему встать, пока тот не завершит дело.

– Так, теперь ноги, – сказала Тереза, вынимая из сундука длинные разноцветные чулки по французской моде.

Это было невыносимое зрелище. Тротти, не слишком внимательный к моде, никогда не позволил бы себе даже пройтись рядом с человеком, одетым в такое, а сегодня ему пришлось во все это облачиться.

Впрочем, если уж что-то вызывает отвращение, то оно его и вызывает.

Поэтому, когда Беатриче вследствие ночных визитов Моро забеременела, Тротти забеспокоился. Он был уверен, что пока жена пухнет, правитель Милана не прикоснется к ней даже мизинцем, облаченным в перчатку, а найдет, чем удо-

влетворить свои желания, в другом месте. И почему бы снова не с Галлерани, по-прежнему самой красивой женщиной Милана, к которой Моро, как многие говорили, сохранил искреннюю и прочную привязанность? Галлерани, которая по сравнению с Беатриче была как алмаз рядом с куском колбасы.

Тротти с тоской посмотрел на доставшуюся ему одежду. В Ферраре он скорее предпочел бы запереться у себя дома, чем надеть такое. Но Милан – не Феррара.

В Милане мужчины передвигались на мулах, а женщины, зажиточные женщины, – в повозках. Эти повозки, нечто среднее между алтарной плитой и сицилийской тележкой, позолоченные и безвкусные, запряженные двумя или четырьмя кобылами, были настоящим кошмаром для пешеходов. Может показаться странным, но в Милане в конце XV века уже были проблемы с дорожным движением.

Джакомо Тротти знал, что по прямому приказу Моро лишь немногие повозки имели разрешение въезжать в замок Джовия в любое время дня и ночи. И среди них была повозка Чечилии Галлерани, которую, однако, уже давно не видели в замке. Нельзя сказать, что это было решающим фактором: Моро мог выйти из замка по своим делам и спокойно отправиться в дом любовницы, учитывая, что ее муж в тот период проживал в Сан-Джованни-ин-Кроче, под Кремоной.

Именно поэтому сегодня на вечере у Галлерани и находился Джакомо Тротти, посол Эрколе, герцога Феррарского.

Чтобы хорошенько рассмотреть Галлерани, понять, украшает ли ее лоб новая драгоценность или же она щеголяет в платье из узорчатого бархата, из тех, что вытканы золотой нитью, – такие подарки мог сделать только Моро, как он обычно и поступал в залог любви. Можно не сомневаться: от мужа такие подарки она получать не могла. Граф Лодовико Карминати Бергамини, за которого Моро выдал Чечилию, когда удалил ее из замка Сфорца, был одним из самых скупых людей во всем Милане, даже во всей Священной Римской империи.

– Спасибо, синьорина Тереза, – сказал Тротти тоном вежливой печали, – могу я вам помочь закрыть сундук?

– Благодарю вас, ваше превосходительство, но я справлюсь сама. Как открыла, так и закрою. Вот видите?

И Тереза, подмигнув, указала на странный механизм из дерева и железа, вставленный между ящиком и крышкой, заканчивающийся чем-то вроде руля.

– Его изобрел мессер Леонардо и подарил моей госпоже, – сказала Тереза с гордостью, как будто сделала это сама. – Это механизм с рычагом. Поворачиваешь руль вот так, и крышка поднимается и опускается сама, и никакой силы не надо. Эта штука – чудо, и вы представить себе не можете, сколько времени она нам экономит. Мессер Леонардо – гений, вы согласны?

– Без сомнения, – ответил Джакомо Тротти, которому впервые за весь его дипломатический день представился слу-

чай сказать то, что он действительно думает. – Полагаю, для мессера Леонардо нет ничего невозможного.

– Но это невозможно!

Мужчина в розовом с досадой захлопнул сундук. За его спиной с задумчивым видом стояла смуглая женщина лет пятидесяти. Она глядела на него, уперев руки в бока.

– Может, ты оставил их в мастерской? Ну, в той комнате наверху.

– Не может быть! Я прекрасно помню, что положил их сюда, меньше месяца назад.

– Прекрасно! Ну, прошел всего месяц…

Человек в розовом покачал головой, глядя на сундук, будто это была его вина. Затем он поднял голову и посмотрел на женщину. У него было немного странное лицо, скорее мужественное, чем красивое; в длинных светлых волосах виднелись седые пряди, а борода была практически не тронута сединой. Его глаза, обычно добрые, теперь сузились от злости, – так злятся на родителей.

– Будь добра, поменьше сарказма, Катерина. Это важные документы, я не ношу их с собой просто так.

– Может, их взял Салаи? Ты же сам говорил: он ворует все, что не прибито к полу…

Охваченный внезапным волнением, что, кстати, случалось с ним весьма часто, мужчина повернулся и вышел в соседнюю комнату, не переставая говорить.

– Джакомо прекрасно знает, что мои бумаги трогать нельзя. А не то я его выпорю и оставлю без ужина. – Он перебирал бумаги на грубо тесанном столе, продолжая говорить, обращаясь к женщине. – Кстати, об ужине, Катерина, пожалуй, целый каплун на троих – это многовато. Сегодня я попрошу вас немного убавить пыл. У нас есть бобы и репа, думаю, этого хватит.

– Да, для тебя хватит. К тому же немного мяса пошло бы тебе только на пользу. Ты очень исхудал с тех пор, как я приехала. Прошло три месяца, а ты потерял фунтов десять.

– Три месяца… а мне кажется, будто прошло десять лет, – сказал мужчина, продолжая поиски. – Не говоря уж о том, что я не ем мясо мертвых животных и не буду есть его ни сегодня, ни завтра: никогда. А из-за чего я теряю вес, так это из-за чертова памятника, этой конной статуи. А теперь еще не найти эти проклятые листы – черт знает, куда они сгинули.

– У листов нет ног, они не умеют ходить, сынок.

– А вот матери иногда не уходят куда подальше, Катерина, матушка моя. Почему бы вам не передвинуться куда-нибудь и не дать мне спокойно поискать?

– В молодости ты не был таким грубым. И таким скупым.

– А вы откуда знаете? Вас же тогда не было. Что до скупости – меня довели до этого, мне не платят уже два месяца. С вашего позволения. – Мужчина отстранил мать рукой, направился к курятнику и начал рыться в клетках.

– Я не чистила ими курятник, – сказала Катерина терпеливо.

– Я бы не удивился, если бы вы это сделали, – ответил мужчина, вставая на ноги и поправляя пояс на своем розовом одеянии. – Как будто такого никогда не… Погодите, я вдруг что-то засомневался…

Мужчина, не убирая правой руки с пояса, левой потянулся к воротнику розовой куртки, надавил вниз и вытащил из-под одежды записную книжку, полную сложенных листов и бумажек. Положив ее на стол, он с величайшей осторожностью открыл ее и извлек два листа желтоватого пергамента, на которых были видны рисунки лошадей с надписями и еще какими-то предметами вокруг. Он быстро прикрыл лицо рукой и возвел глаза к небу.

– Ты носил их на себе? – хихикая, спросила Катерина.

– Должно быть, я положил их туда два дня назад, перед тем как отправиться в замок, – ответил он, глядя на мать, словно пытаясь понять, не сердится ли она. – Простите, Катерина.

– Ты мог бы иногда называть меня мамой.

– Простите, мама. Я столько всего теряю, что иногда…

Сухой стук крепких костяшек в дверь прервал его речь. Катерина обернулась, но мужчина ловко обошел ее и пошел открывать. Не то чтобы он стеснялся своей матери, но… В общем, может быть, чуть-чуть. В зависимости от того, кто этот посетитель. Но в столь ранний час посетитель мог быть

только один.

Мужчина в розовом открыл дверь и увидел перед собой человека чуть ниже ростом и значительно старше. Он был одет в черный парчовый камзол и стоял с непокрытой головой: шляпа уже была в руках в знак почтения. По всему видать, слуга, из важных, но все же слуга.

– Мессер Леонардо да Винчи? – спросил пожилой мужчина.

– К вашим услугам, – ответил тот.

Два

– О, мессер Леонардо, как я рад видеть вас.

Посреди просторной площади, известной как Оружейный двор[7], стоял Лодовико Моро, он знаком попросил Леонардо подойти. Рядом с ним был герцогский сборщик податей, сиятельный кавалер Бергонцио Ботта, худой человек с хищным взглядом. Под мышкой он, как обычно, держал толстую бухгалтерскую книгу.

– К услугам вашей светлости, – осторожно ответил Леонардо. Всякий раз было трудно понять причину вызова ко двору Моро. Это могло быть воодушевление, как на следующий день после Райского праздника[8], когда правитель Милана осыпал Леонардо похвалами перед всем двором, или же все могло оказаться совсем наоборот.

– Идите, идите, – сказал Лодовико со спокойной улыбкой. – Господин сборщик, кажется, вас зовет камергер.

Это был не слишком ренессансный способ предложить господину сборщику податей поскорее удалиться, поскольку

---

[7] Оружейный двор (Piazza d'Armi, *um.*) – самый большой внутренний двор замка Сфорца в Милане, исторически служивший местом для размещения войск и тренировок, окруженный вековыми стенами с гербами Висконти и Сфорца.

[8] Свадебный праздник 13 января 1490 года – свадьба племянника Моро, Джана Галеаццо Марии, с неаполитанской принцессой Изабеллой Арагонской. Леонардо да Винчи создал декорации и сцену; праздник вошел в историю как «Райский праздник». Он показал гостям богатство и политическую власть Лодовико Моро.

правитель Милана хотел поговорить с Леонардо с глазу на глаз. Бергонцио Ботта, поклонившись, стал пятиться назад, развернулся и направился в сторону башни Санто-Спирито. Лодовико помолчал, осмотрел все вокруг, не глядя на Леонардо, а затем медленно прошел к широким южным воротам, подав знак Леонардо следовать за ним.

– Ваша светлость сегодня кажется особенно довольным, – осмелился заметить Леонардо, пытаясь определить настроение работодателя.

– Так и есть, маэстро Леонардо, так и есть, – ответил Лодовико, не переставая улыбаться и продолжая шагать. – И знаете почему?

– Надеюсь, ваша светлость соблаговолит поделиться со мной причинами своей радости.

– Это, конечно, не секрет, – ответил Моро. – Уже нет. – Император Максимилиан Габсбургский окажет нам честь, взяв в жены нашу горячо любимую племянницу Бьянку Марию, по случаю Святого Рождества. Дом Сфорца соединяется с императором, маэстро Леонардо.

Ах, вот оно что. Уже несколько месяцев Лодовико пытался пристроить в жены Бьянку Марию Сфорцу Максимилиану Габсбургскому, императору Священной Римской империи, льстя ему непрерывными заверениями в дружбе и, главное, огромным приданым. При дворе шепотом говорили о четырехстах тысячах дукатов, то есть больше половины годового дохода всего герцогства. Это примерно как если

бы нынешний министр экономики пообещал выдать дочь за президента США, предложив в приданое половину налоговых поступлений нашего полуострова – сумму, которая исчисляется миллиардами.

– Мы отправимся со свадебным кортежем в начале ноября, маэстро Леонардо. И будет совсем не сложно организовать отъезд невесты, собрать всех наших близких, нашу свиту здесь, в замке, устроить фейерверки, – даже очень легко. Знаете, почему?

Ах, ах.

У Лодовико Моро было образование, выдающееся даже для знатного господина той эпохи, хоть и без особого упора на греческую философию. Однако, судя по всему, он отлично усвоил диалектические приемы Сократа, которые заключаются в том, чтобы заставить самого собеседника изречь нужный ответ, попросту прижав его к стенке. Когда Моро начинает целовать тебя в шею, – говорили при дворе, – будь начеку: сейчас он задерет тебе подол сзади.

– Нет, ваша светлость.

– Потому что в нашем распоряжении эта великолепная площадь, – сказал Лодовико, широким жестом указывая на Оружейный двор, окруженный стенами. – Этот великолепный просторный, широкий внутренний двор. А напротив… – Лодовико, уже подойдя к воротам, поднятой вверх ладонью указал на огромное пространство перед подъемным мостом. – А напротив, как видите, площадь еще больше, иде-

ально ровная, без всяких излишеств. Иными словами, мессер Леонардо, совершенно пустая.

И взгляд Моро, оторвавшись от площади, обратился на Леонардо. На лице еще блуждала улыбка, в глазах ее уже не было.

Прошло четыре года с того дня, когда Лодовико официально поручил ему то самое дело, с которым, как похвалялся Леонардо, он справится лучше любого другого. И десять лет с тех пор, как он поклялся, что сможет это сделать.

Десять лет назад Леонардо предстал перед Лодовико Моро с длинным письмом, в котором утверждал, что может проектировать бомбарды, прокладывать подземные реки и рвы, строить неприступные замки, и лишь в конце этого письма вскользь упомянул, что немного умеет и рисовать. Это было уже примечательно, особенно учитывая, что да Винчи был приглашен в Милан в качестве музыканта, виртуоза игры на лире да браччо собственного изобретения[9]. Но одна фраза в письме особенно поразила Лодовико Моро.

> *Я смогу взяться за создание коня из бронзы, который станет бессмертной славой и вечным почитанием великой памяти Вашего господина-отца и доблестного дома Сфорца.*

---

[9] Лира да браччо (lira da braccio, *ит.*) – буквально «ручная лира», струнный смычковый инструмент. Был распространен в Италии в XV–XVI веках. Поэты-музыканты использовали ее для сопровождения импровизированных чтений лирической и повествовательной поэзии.

Это обещание превратилось в придворное поручение, благодаря которому Леонардо получил жилье – двухэтажную мастерскую в Корте Веккья рядом с собором, где он работал, и (теоретически) солидное жалованье. Но за годы это обещание, по мнению некоторых, стало приобретать оттенок хвастовства. И среди этих некоторых был и сам Моро.

– Вот уже три года, маэстро Леонардо, как вы уверяете меня, что душой и телом отдаетесь разработке памятника памяти моего господина-отца, – продолжал Моро, не отрывая взгляда от Леонардо. – Вы не раз заверяли меня, что памятник находится в стадии реализации, настолько уверенно, что я специально приказал расчистить и выровнять это обширное пространство перед замком, где мы сейчас стоим.

– Я счастлив сообщить вашей светлости, что глиняная модель коня почти готова и сможет быть выставлена в конце следующей недели на этой самой площади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.